



### **Нохрина Марина Леонидовна**

*доцент кафедры гражданского права СПбГУ,  
кандидат юридических наук*

*m.nokhrina@spbu.ru*

## **ПРАВО НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ — ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье анализируется цивилистический аспект права на личную неприкосновенность. Отмечается, что традиционно оно рассматривается в науке международного и конституционного права (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, ст. 22 Конституции РФ), где понимается и с негативной, и с позитивной стороны как возможность требования от государства создания условий, обеспечивающих личную неприкосновенность человека. Вместе с тем в последнее время имеют место попытки обосновать гражданско-правовую природу этого субъективного права. В статье критикуются позиции ряда авторов по данному вопросу и отмечается, что личная неприкосновенность не является нематериальным благом, по поводу которого возникают какие-то *особые* общественные отношения. В рамках рассматриваемого права не существует каких-либо положительных правомочий, поскольку соответствующий интерес лица, по сути, опосредуется лишь запретом для всех окружающих лиц посягать на личную неприкосновенность. На основании изложенного делается вывод, что по поводу личной неприкосновенности не возникает соответствующего субъективного права, личность лишь охраняется гражданским правом как имеющая соответствующий интерес. Этот вывод имеет как теоретическое значение (для решения вопроса о предмете гражданского права), так и практическое — для определения места соответствующих норм в ГК РФ.

*Ключевые слова: личная неприкосновенность, позитивные обязанности государства, право на личную неприкосновенность, нематериальное благо*

**С**татья 3 Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность. В ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы ина-

че как в определенных этой статьей случаях и в порядке, установленном законом. В международных соглашениях указанное право традиционно ассоциируется с возможностью не подвергаться произвольным арестам или содержанию под стражей (ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод)<sup>1</sup>.

Эти положения развивает ст. 22 Конституции РФ. Согласно этой статье каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Право на личную неприкосновенность в указанном смысле традиционно рассматривается в рамках науки международного и конституционного права. При этом сторонники узкого толкования видят его содержание в первую очередь в недопустимости посягательства на личную неприкосновенность. Сторонники широкого понимания не ограничиваются таким запретом, для них право на личную неприкосновенность включает в себя создание государством правовых, социальных, экономических и иных условий, обеспечивающих эту неприкосновенность. Это так называемое позитивное обязательство государства в рамках конституционного и международно-правового регулирования.

Таким образом, в науке международного и конституционного права постулируется существование относительных правоотношений гражданина с государством, в рамках которых есть право требования соответствующих активных действий со стороны государства по обеспечению личной неприкосновенности человека.

Вместе с тем в последнее время имеют место попытки обосновать *гражданско-правовую природу* субъективного права на личную неприкосновенность. Правовая наука уже давно восприняла тот факт, что те или иные посягательства на человека не всегда наносят вред его жизни или здоровью. В данном случае говорят о так называемом *праве на личную неприкосновенность*. Обосновывая выделение этого права, Л.О. Красавчикова отмечает, что то или иное посягательство на человека может быть и не сопряжено с причинением вреда его жизни или здоровью. Так, незаконный личный обыск, незаконное освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования не причиняют какого-либо ущерба здоровью лица, но нарушают его физическую (телесную) неприкосновенность<sup>2</sup>.

Л.О. Красавчикова, анализируя историю развития научных взглядов о праве на неприкосновенность личности, сделала ряд ценных замечаний. В частности, она обоснованно указывает на то, что это право всегда трактовалось широко, как со-

<sup>1</sup> См.: Гончаров Е.А. К вопросу о содержании права человека на свободу и личную неприкосновенность // Актуальные проблемы философии и социологии права. Волгоград, 2005. С. 192.

<sup>2</sup> «Причиняемый при этом моральный вред не всегда влечет за собой ухудшение здоровья» (Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в Гражданском праве РФ. Екатеринбург, 1994. С. 133).

стоящее из нескольких правомочий. Причем единого мнения об их составе не выработано<sup>3</sup>.

Например, В.Е. Гулиев и Ф.М. Рудинский полагали, что прежде всего следует выделить право гражданина на свободу от незаконных необоснованных арестов, личных обысков, освидетельствований и иных принудительных мер со стороны государственных органов и должностных лиц, а также право на свободу гражданина от преступных посягательств отдельных лиц<sup>4</sup>.

Другие авторы в число таких правомочий предлагали включать право на юридическую защиту со стороны органов государства и общественных организаций, право на личную свободу, право на защиту в суде, право на неприкосновенность жилища<sup>5</sup>.

Специалисты в области уголовного процесса считали, что анализируемое право образуют: 1) право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу и их защиту государством; 2) право человека на честь и достоинство, нравственную свободу, психическую неприкосновенность; 3) право человека на индивидуальную свободу<sup>6</sup>.

По мнению А.В. Писарева, личную неприкосновенность можно разделить на два подвида: физическую и психическую. Первая характеризуется прежде всего отсутствием какого-либо физического контакта с человеком против его воли, а вторая — отсутствием контакта, подавляющего сознание, мысли, волю человека и оказывающего принудительное воздействие на его поведение<sup>7</sup>.

По мнению Ф.М. Рудинского, существует три разновидности неприкосновенности: физическая (жизнь, здоровье, физическая целостность), нравственная (честь, достоинство), духовная (возможность на основе свободы волеизъявления располагать своими поступками, не подвергаться незаконному принуждению)<sup>8</sup>.

Как пишет Е.А. Гончаров, понятие личной неприкосновенности объединяет три вида неприкосновенности: моральную, физическую и психическую. Моральная непри-

---

<sup>3</sup> См.: Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 127–128.

<sup>4</sup> См.: Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С. 109.

<sup>5</sup> См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 185–186.

<sup>6</sup> См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 37–38. А.П. Горшенев также полагает, что право «на охрану жизни» входит в качестве правомочия в более широкое по своему содержанию право на неприкосновенность личности (см.: Горшенев А.П. Личные конституционные права советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 12).

<sup>7</sup> См.: Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 22–23.

<sup>8</sup> См.: Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 76.

косновенность охватывает область духовных ценностей, имеющих приоритетное значение в сознании конкретного индивида: представления о личном достоинстве, моральные убеждения, постулаты исповедуемого религиозного учения и т.п. Признание права на моральную неприкосновенность означает недопустимость вмешательства как государства, так и частных лиц в сферу духовных ценностей личности путем принуждения к отказу от них либо путем их оскорбления, высмеивания и т.п.

Физическая неприкосновенность — это состояние человека, которое характеризуется отсутствием посягательств на его здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу. Таким образом, лицо не должно подвергаться не только неправомерному воздействию, способному нарушить анатомическую целостность и естественное протекание физиологических процессов его организма, но и воздействию, может, и не влекущему причинение физического вреда, но осуществляемому вопреки его воле (сексуальное насилие)<sup>9</sup>. Психическая неприкосновенность может быть рассмотрена как состояние психики человека, характеризующееся двумя особенностями: во-первых, отсутствием внешнего воздействия любого характера, направленного на подавление воли личности с целью принуждения ее к совершению определенного деяния в интересах принуждающего лица (лиц); во-вторых, отсутствием принудительной помощи психиатрического характера, не обусловленной медицинскими показаниями<sup>10</sup>.

По мнению А.А. Опалевой, право на личную неприкосновенность означает, что при условии правомерного поведения, рамки которого определены законом, личность не может быть ограничена в своей физической, волевой и духовной свободе, она пользуется этим благом. Оно включает в себя также недопустимость противоправного ограничения этой свободы, возможность требовать соответствующего поведения от обязанных лиц и возможность прибегнуть к государственной защите в случае его нарушения<sup>11</sup>.

Как полагает Л.О. Красавчикова, подобный разброс мнений различных авторов относительно содержания *права на неприкосновенность личности* не случаен. Неприкосновенность личности стала рассматриваться в качестве принципа, выражающего содержание определенных групп отраслей права, который развивается и конкретизируется в уголовно-процессуальном, уголовном, административном, административно-процессуальном праве. Именно с учетом специфики каждой из этих отраслей определялся конкретный объем правомочий, входящих в содержание *права на неприкосновенность личности*<sup>12</sup>. Институт права личной неприкосновенности носит межотраслевой (комплексный) характер<sup>13</sup>.

<sup>9</sup> См.: Гончаров Е.А. Указ. соч. С. 193.

<sup>10</sup> См. там же. С. 194–195.

<sup>11</sup> См.: Опалева А.А. Личная неприкосновенность как правовой институт // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 5. С. 73–74.

<sup>12</sup> См.: Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 127–128.

<sup>13</sup> См.: Опалева А.А. Указ. соч. С. 72.

В цивилистической литературе некоторые авторы придерживались мнения, что право на неприкосновенность личности (или личную неприкосновенность) подразделяется на следующие предусмотренные законом возможности. Во-первых, оно означает, что никто не может быть подвергнут аресту и лишен свободы вне установленного порядка, т.е. гражданин вправе требовать от соответствующих государственных органов и должностных лиц соблюдения закона в их деятельности. Во-вторых, гражданин вправе требовать от всех прочих граждан воздержания от посягательств на свою свободу<sup>14</sup>.

Таким образом, право на неприкосновенность личности трактовалось этими авторами лишь *негативно*, без указания на те *положительные действия*, которые *вправе совершать* уполномоченное лицо.

Иную позицию занимают О.А. Красавчиков и ряд других авторов, которые выделяют в праве на личную неприкосновенность и *положительное* содержание: каждый имеет возможность беспрепятственно располагать собой по своему личному усмотрению и пресекать любые противоправные действия, ущемляющие личную свободу<sup>15</sup>. В этом случае право на неприкосновенность личности включает в себя два правомочия: «негативное» (право на личную неприкосновенность) и «положительное» (право на личную свободу).

Л.О. Красавчикова рассматривает право на личную свободу и право на личную неприкосновенность как самостоятельные субъективные права. По ее мнению, право на личную свободу тесно связано с правом на личную неприкосновенность, однако является самостоятельным личным неимущественным правом. Оно означает соответствующую меру возможного и юридически дозволенного поведения гражданина распоряжаться собой, своими поступками и временем. Право на личную неприкосновенность предполагает недопустимость посягательства на личность со стороны кого-либо, за исключением случаев, предусмотренных законом<sup>16</sup>.

Последняя позиция в части разграничения *права на личную свободу и права на личную неприкосновенность* наиболее обоснованна<sup>17</sup>. Указанные возможности абсо-

<sup>14</sup> См., напр.: Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 161; Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 64–65. Сходного мнения придерживается А.М. Эрделевский (см.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997. С. 13, 155, 156).

<sup>15</sup> См.: Советское гражданское право. Т. 1. 3-е изд. / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 192; Горшенев А.П. Указ. соч. С. 12.

<sup>16</sup> См.: Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 131–132. Аналогичного мнения придерживается и Н.Д. Егоров (см.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 132).

<sup>17</sup> Е.А. Флейшиц предлагала разделять право на неприкосновенность личности и право на личную свободу несколько иным образом. Опираясь на действующую на тот момент Конституцию, она пишет, что согласно ст. 127 сталинской Конституции право на неприкосновенность личности есть притязание, обращаемое исключительно к органам государства. Его коррелятом в сфере отношений граждан между собой должно быть право на телесную неприкосновенность и личную свободу (см.: Флейшиц Е.А. Личные права в Гражданском праве СССР и капиталистических стран. М., 1941. С. 97).

лютно различны. В праве на личную свободу закреплён интерес лица в самостоятельном определении своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по собственному усмотрению. При этом от окружающих лиц требуется не создавать препятствий для такого активного поведения. Право же на личную неприкосновенность не связано с какими-либо активными действиями управомоченного, а предполагает лишь «негативное» требование ко всем окружающим лицам воздерживаться от действий, нарушающих эту неприкосновенность<sup>18</sup>.

Особняком стоит позиция М.Н. Малеиной, которая в сфере личной неприкосновенности конструирует субъективное личное неимущественное гражданское право на *физическую и психическую неприкосновенность*. Физическая неприкосновенность означает автономное решение вопросов о пользовании и распоряжении своим телом, отделёнными от организма органами и тканями. Психическая неприкосновенность — свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей. В содержание этого права, по мнению М.Н. Малеиной, входит также правомочие требовать, чтобы другие субъекты воздерживались от нарушения перечисленных возможностей. В частности, управомоченный может требовать, чтобы окружающие лица не наносили побоев, не совершали насильственных действий сексуального характера, не внедряли в организм какие-либо предметы (например, зонд для принудительного кормления), не угрожали и не гипнотизировали. Кроме того, управомоченный может требовать соблюдения установленных правил производства личного обыска, освидетельствования, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования<sup>19</sup>.

Право на физическую и психическую неприкосновенность, по словам автора, реализуется путем заключения управомоченным возмездных договоров на личную охрану со специальными фирмами или отдельными гражданами (телохранителями, охранниками). Право на психическую неприкосновенность осуществляется также через заключение договоров на устранение воздействия гипноза между управомоченным и врачом-психотерапевтом (или экстрасенсом). Правомочие гражданина самостоятельно распоряжаться своим телом, отделёнными от организма органами и тканями рассматривается М.Н. Малеиной как возможность выразить свою волю, реализуемую как при жизни, так и после смерти. При этом автор не относит органы и ткани человека с момента их отделения от организма к объектам права собственности, хотя и признаёт их вещественный характер. М.Н. Малеина говорит также о возможности родителей при определенных условиях распоряжаться абортирован-

<sup>18</sup> При этом такое право не должно конструироваться как право требовать от соответствующих государственных органов и должностных лиц соблюдения закона в уголовно-процессуальной деятельности по арестам, обыскам и освидетельствованиям. Соблюдение закона со стороны государственных органов и должностных лиц происходит в рамках соответствующего уголовно-процессуального правоотношения. Кроме того, в таких ситуациях некоторые авторы вообще отрицают наличие какого-то особого субъективного права. Когда интерес индивида обеспечивается тем, что государственная власть действует согласно порядку, установленному нормами права, имеет место так называемый рефлекс объективного права, т.е. юридически пустое место, а не субъективное право (см.: Азарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 2. С. 36).

<sup>19</sup> См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С. 94–97.

ным плодом — давать или не давать согласие на использование тканей или органов эмбриона для научного исследования или лечения<sup>20</sup>.

Позиция М.Н. Малеиной, на наш взгляд, вызывает возражения. Во-первых, нельзя говорить о том, что существует самостоятельное правомочие «на свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей». Свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей характерно для осуществления любого субъективного права и поэтому не может составлять содержание самостоятельного субъективного права. Не случайно другие авторы говорят о свободе в некой сфере личной жизни или о «личной свободе», тем самым отграничивая рассматриваемое право от других субъективных прав.

Во-вторых, можно усомниться в том, что *правомочие на физическую неприкосновенность* имеет личный неимущественный характер. С момента отделения органов и тканей, а также абортированного плода от организма человека они становятся материальными объектами, имеющими овеществленную форму, что предполагает возможность применения к ним общих правил о праве собственности и обязательствах<sup>21</sup>. В то же время естественные свойства этих объектов определяют особенности применения к ним норм о праве собственности, например наличие особого способа возникновения — отделения от организма человека.

Запрет нанесения побоев в связи с тем, что они ухудшают здоровье человека, не может охватываться содержанием права на физическую неприкосновенность. Смысл выделения последнего в том и состоит, чтобы обеспечить интересы управомоченного в тех случаях, когда его здоровье не нарушается. То же самое можно сказать и о внедрении в организм зонда для принудительного кормления.

Несоблюдение установленных правил производства личного обыска, освидетельствования, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования нарушает не субъективные гражданские права, а соответствующие права, существующие в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, нельзя признать достаточно обоснованной позицию М.Н. Малеиной о необходимости закрепления в гражданском законодательстве личного неимущественного права на физическую и психическую неприкосновенность. Единственное, что можно было бы сформулировать в данной сфере, так это юридически обеспеченную возможность лица требовать от всех окружающих воздержания от насильственных действий сексуального и гипнотического характера, а также от высказывания каких-либо угроз. Однако эти правомочия традиционно охватываются личной неприкосновенностью.

---

<sup>20</sup> См.: Малеина М.Н. Указ. соч. С. 87–90.

<sup>21</sup> Об этом писал Ю.С. Гамбаров (см.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. С. 576). Хотя Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» относит органы и ткани к объектам, изъятым из гражданского оборота, их потенциальная оборотоспособность несомненна.



Вернемся к ее рассмотрению. Анализ предлагаемых в литературе правомочий показывает следующее. Требование о личной неприкосновенности представляет собой лишь *требование соблюдения установленного запрета. Оно не связано с каким-либо другим активным поведением управомоченного или обязанного лица*. Всё активное поведение управомоченного лица реализуется в рамках другого права — личной свободы.

Однако в любых общественных отношениях так или иначе присутствует человеческая деятельность. Ее роль может пониматься по-разному, но она никем и никогда не исключалась из понятия общественных отношений<sup>22</sup>. Наличие человеческой деятельности является основным критерием, отличающим общественные отношения от других связей в обществе<sup>23</sup>. В ряде общественных отношений на определенной стадии их существования активного поведения может и не быть. Как обоснованно отмечает В.Л. Слесарев, общественные отношения как форма взаимосвязи субъектов имеет своим содержанием возможность деятельности либо реализацию данной возможности — саму деятельность<sup>24</sup>. Например, такая ситуация имеет место в обязательственных отношениях при отсрочке исполнения, когда ни управомоченное, ни обязанное лицо каких-либо действий не совершают. Однако не бывает таких общественных отношений, в которых *вообще не существует и не может существовать какого-либо активного поведения их участников*.

*Пассивное поведение само по себе не может составлять содержание общественных отношений, поскольку при бездействии лицо вообще не вступает в какие-либо связи с окружающими.*

Да, действительно, бездействие можно считать актом поведения, когда лицо сознательно не совершает каких-либо действий, хотя имеет возможность их совершить. Однако в этой ситуации акт поведения в виде бездействия остается лишь в сознании человека и не может восприниматься окружающими. Именно поэтому бездействующие по отношению друг к другу лица не вступают в какие-то особые общественные отношения, связанные с этим бездействием.

Содержание общественных отношений не может также заключаться только в таком активном поведении, когда управомоченное лицо *предъявляет к обязанному лицу требование соблюдать определенный запрет*. Поведение стороны общественных отношений в виде требования конкретного поведения от другой стороны также по-

<sup>22</sup> См.: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1980. С. 80; Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 11; Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968. С. 91; Протасов В.Н. Место и роль субъективного права в правовом отношении с точки зрения системного подхода // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990. С. 15; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 215–216; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 73; Слесарев В.Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 19; Никифоров Б.С. Объект преступления. М., 1960. С. 64; и др.

<sup>23</sup> См.: Ткаченко Ю.Г. Указ. соч. С. 80.

<sup>24</sup>



является лишь в результате правового регулирования. В частности, требование не совершать определенных действий появляется в результате введения соответствующего правового запрета. Пока общественные отношения не урегулированы правом, ни одна из их сторон не может требовать от другой стороны соблюдения такого запрета. Таким образом, любые общественные отношения предполагают какое-либо активное поведение хотя бы одного из его участников, не сводимое к требованию соблюдения определенного запрета.

В силу этого не бывает и *правоотношений*, в которых ни управомоченное, ни обязанное лицо не совершают каких-либо активных действий, и, соответственно, существующих в их рамках так называемых негативных субъективных прав, содержание которых сводится лишь к требованию соблюдения обязанным лицом определенного запрета. На это обращали внимание О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский. По их мнению, правоотношений, где ни одна из сторон не осуществляет активных действий, в природе не бывает<sup>25</sup>. Правовые отношения имеют место только в том случае, если их субъекты активно действуют<sup>26</sup>. Поэтому невозможно согласиться с А.В. Наумовым, который признает существование «общественных отношений по поводу воздержания (курсив наш. — М.Н.) лиц от совершения преступления вследствие уголовно-правового запрета»<sup>27</sup>.

О существовании «негативных» субъективных прав можно говорить лишь в том случае, если понимать правоотношение исключительно как *связь права и обязанности*, а не как *общественные отношения, урегулированные нормой права*. Как указывает Н.Д. Егоров, спор между сторонниками двух концепций понятия правоотношения сводится к тому, как осуществляется связь между его участниками — через их субъективные права и обязанности или же посредством взаимообусловленного этими правами и обязанностями поведения субъектов правоотношений<sup>28</sup>. Применительно к личным неимущественным правоотношениям указанный вопрос можно поставить следующим образом. Если понимать под правоотношением исключительно *связь права и обязанности*, то правоотношение, в частности, жизни можно сформулировать как обязанность воздерживаться от посягательств на жизнь и как право требовать исполнения этой обязанности. Если же понимать правоотношение как *общественные отношения, урегулированные нормой права*, то оно в принципе существовать не может, как не может быть общественных отношений, где ни одна из сторон не совершает никаких активных действий.

В данном споре следует присоединиться к точке зрения тех авторов, которые полагают, что правоотношение, как и любые общественные отношения, представляет собой связь, складывающуюся в результате взаимодействия между людьми. Взаимодействовать же люди могут, только совершая определенные действия, акты

<sup>25</sup> См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 215–216.

<sup>26</sup> См.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 91.

<sup>27</sup> Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 18.

<sup>28</sup> См.: Егоров Н.Д. Понятие имущественного правоотношения // Вестник Ленинградского университета. 1980. Вып. 4. № 23. С. 59.

поведения<sup>29</sup>. К. Маркс писал, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что они коренятся в материальных жизненных отношениях<sup>30</sup>. Следовательно, как не может быть общественных отношений, в которых обе стороны бездействуют, так и не может быть соответствующего правоотношения, а также существующего в его рамках «негативного» субъективного права. Говорить о субъективном праве можно только тогда, когда характер интереса предполагает совершение в целях его удовлетворения каких-либо *активных действий* либо носителем интереса, либо другими лицами. В этом случае между носителем интереса и этими лицами складываются общественные отношения, при правовом регулировании выступающие в форме правоотношения, в рамках которого и существует субъективное право.

Таким образом, применительно к личной неприкосновенности можно говорить о наделении лица лишь возможностью *требовать от всех окружающих лиц воздержания от действий, влекущих за собой ее нарушение*. Однако из содержания этих возможностей видно, что они сводятся лишь к *требованию соблюдения установленного законом запрета*. Какого-либо другого активного поведения они не предполагают. Это означает, что в основе этих возможностей не лежат какие-либо общественные отношения, которые характеризуются активным поведением хотя бы одной из сторон, не сводящимся к требованию соблюдения запрета. Стало быть, *указанные возможности не образуют субъективные права, о чем свидетельствует и их негативный характер*.

На основании вышеизложенного может быть сделан следующий вывод. Гражданское законодательство не знает абсолютного субъективного права на личную неприкосновенность. Оно лишь **охраняет** личность от соответствующих посягательств.

При этом возникает вопрос: какое нематериальное благо защищает запрет посягательства на личность?

Как пишет А.А. Опалева, право на личную неприкосновенность означает возможность пользования благом личной неприкосновенности<sup>31</sup>. То есть под благом понимается само состояние личной неприкосновенности, которое возникает в силу реализации соответствующих норм права. Однако нельзя считать благом ту или иную неприкосновенность, безопасность, телесную целостность, тайны, которые как явления существуют *только в результате надлежащей реализации установленных государством правовых норм*. Любые блага должны существовать объективно, а не быть привнесенными в общество в результате правового воздействия.

Об этом пишет и Н.Д. Егоров. По его мнению, личные нематериальные блага представляют самостоятельную ценность для их носителей и существуют независимо от

<sup>29</sup> См. там же.

<sup>30</sup> См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 6.

<sup>31</sup> См.: Опалева А.А. Указ. соч. С. 71.

степени их правового опосредования. В силу этого не должны относиться к числу личных нематериальных благ те ценности, которые появляются в результате принятия соответствующих норм права. Так, нематериальным благом является личность гражданина как проявление его личных качеств, а термин «неприкосновенность личности» отражает существо правовой охраны этого нематериального блага<sup>32</sup>.

Как видно, по мнению Н.Д. Егорова, институт неприкосновенности личности охраняет такое нематериальное благо, как *личность*. Однако личность — это не объект права, а его субъект. Поэтому с такой позицией согласиться нельзя.

Представляется, что в основе института личной неприкосновенности вообще не лежит какое-либо благо. Существует лишь запрет посягательства на личность, который обусловлен наличием соответствующего интереса, но блага как такового, материального или нематериального, которое выступало бы объектом каких-либо общественных отношений, здесь не видится.

И наконец, последнее. Каково же теоретическое и практическое значение сделанного вывода о том, что не существует личного неимущественного гражданского права на личную неприкосновенность? Если действующее законодательство устанавливает, что наряду с субъективными правами в суде защищаются и непосредственно нематериальные блага и интересы, может возникнуть вопрос: какое теоретическое и практическое значение имеет вывод об обеспечении одних интересов при помощи субъективных прав, а других — посредством их охраны? Казалось бы, субъектам гражданского права все равно, что защищается в суде: субъективное право или интерес. Еще в начале XX в. И.А. Покровский высказал точку зрения, что по отношению к жизни, телесной неприкосновенности или свободе вопрос о субъективном гражданском праве ввиду широкой охраны этих благ со стороны уголовного закона имеет чисто теоретическое значение<sup>33</sup>.

Согласимся с этой точкой зрения. Но, как пишет Н.Д. Егоров, действительная ценность научного произведения определяется не столько количеством содержащихся в нем практических выводов, сколько обоснованностью лежащих в основе этих выводов теоретических положений. Какими бы значительными ни казались различного рода конкретные практические предложения, содержащиеся в научной работе, если они не имеют под собой надлежащего теоретического обоснования, их действительная практическая ценность нередко сводится к нулю<sup>34</sup>.

Сделанный вывод о том, что интерес в личной неприкосновенности не опосредуется соответствующими общественными отношениями, во многом облегчает решение проблемы предмета гражданско-правового регулирования. Поскольку в данном случае общественных отношений не существует, их не надо учитывать и при ха-

<sup>32</sup> См.: Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого. 7-е изд. Т. 1. М., 2009. С. 376–377.

<sup>33</sup> См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 122.

<sup>34</sup> См.: Егоров Н.Д. Проблемы общего учения о праве собственности: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1978. С. 11.

рактики общественные отношения, регулируемые гражданским правом. Так, в связи с тем, что не может быть самостоятельных отношений по поводу интереса в личной неприкосновенности, они не могут и не должны приниматься во внимание при определении предмета гражданско-правового регулирования.

А из этого вытекают уже и практические последствия. Нормы о защите личной неприкосновенности совершенно обоснованно содержатся в главе 8 подраздела 3 ГК РФ «Объекты гражданских прав». Если бы отношения по поводу личной неприкосновенности имели *самостоятельный гражданско-правовой характер*, то соответствующие нормы о праве на личную неприкосновенность должны были бы содержаться в специальном разделе ГК РФ, посвященном уже конкретным отношениям личной неприкосновенности. Скорее всего, они бы были помещены перед разделом о праве собственности<sup>35</sup>.

---

<sup>35</sup> Как это и сделано в ГК Украины, где раздел о личных неимущественных правах помещен в главах 20–22 перед разделом о праве собственности.